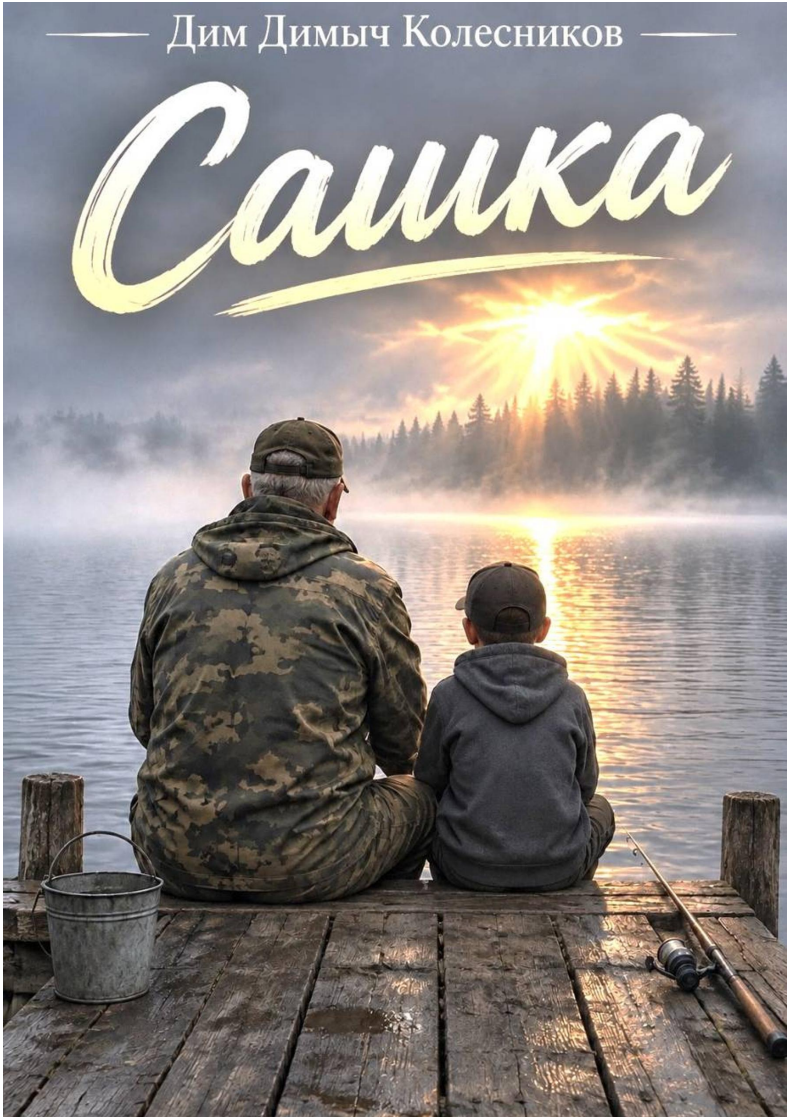
Дим Димыч Колесников

Сашка

ДимДимыч Колесников
Сашка

https://litres.ru/74784164
SelfPub; 2026

Аннотация

Лето без родителей, у деда в карельской глуши. Ни торговых центров, ни нормального интернета — зато лодка, ночная рыбалка, свои пацаны, та самая девчонка с соседней дачи и Ладога, которая не прощает ошибок. Дед не грузит моралью — он травит байки, от которых почему-то взрослеешь. О том, как за одно лето можно стать собой.

Содержание

Глава 1 4
Глава 2 22
Конец ознакомительного фрагмента. 36

ДимДимыч Колесников
Сашка

Глава 1

- Дед, ну вот ты почему такой? Мне родители всегда разрешают с телефоном кушать. И совсем даже не мешает. - Сашка с надеждой смотрел на своего деда, который не спеша раскладывал по тарелкам горячий омлет, ещё паривший прозрачным дымком.

- Убери, Саша. Завтрак - дело серьёзное, на весь день силу даёт, - дед, закончив накладывать омлет, теперь разливал по стаканам из прозрачного заварника травяной чай очередного суперполезного бабушкиного купажа, на этот раз - крупнолистовой зелёный с добавками шиповника и листьев смородины. - Пока завтракаешь, есть время мозгу окончательно проснуться и с ясным умом составить себе план до вечера: тогда и успеешь всё, и день не впустую пройдёт. Мозг с утра лучше всякой ерундой - игрушками, чужими видео да картинками - не загружать. Телефон вещь нужная, как сейчас без него, но у умного, он инструмент для дела, а не для безделья. Так что подумаем потом, как и его с пользой к делу приспособить.

Сашка, которого родители ещё в начале июля привезли из

Питера на летние каникулы - к бабушке с дедом, в северное Приладожье Карелии, где те пару лет назад купили дом на берегу, - в общем, был такому решению рад. Жалко, конечно расставаться со школьными друзьями, но и в посёлке за неделю примелькались ребята - он уже знал кое-кого в лицо и по именам: и местных, и таких же, как он, приехавших на лето дачников. Познакомиться толком ещё не успел, но собирался. Да и пара девчонок с соседних дач вызывали если и не волнение, то вполне понятный интерес.

Деда Сашка уважал за основательность и отсутствие излишней суеты, а ещё за то, что тот не сюсюкал с ним как с маленьким, разговаривал серьёзно, как со взрослым, не поучал, передавал жизненный опыт не занудными нравоучениями, а историями в третьем лице - рассказами, иногда байками. Мол, и так бывает, и этак, - думай сам, выбирай, как лучше. Бабушку же любил за теплоту, внимание, умение выслушать, а потом успокоить, утешить, всё разложить по полочкам. А ещё за то, что точно знал: ей, как человеку проверенному и надёжному, можно доверить даже самую важную тайну - о любых своих косяках или двойках, - и она не выдаст, а поймёт, попытается всё по-тихому сгладить и помочь исправить последствия.

Потому из-за несерьёзности вопроса бабушку в спор за телефон Сашка втягивать не стал - только переглянулись с ней: она с улыбкой ему подмигнула и продолжила делать к чаю тосты с маслом и застывшим, как желе, вареньем из чёр-

ного крыжовника.

Сашка вздохнул, отложил телефон на край стола - не убирал далеко, просто отодвинул, чтобы не мозолил глаза, - и взялся за вилку. Омлет был горячий, с румяной корочкой по краям и нежной, чуть влажной серединой, с вкраплениями зелени и кусочками помидоров. Пахло так, что слюнки текли. Дед готовил редко - чаще у плиты стояла бабушка, - но если уж вставал к плите, то делал всё размеренно, словно пытаясь определить в блюде нужное место каждой калории, соблюсти баланс белков, жиров и углеводов. И благодаря такому почти научному подходу, получалось сытно, не тяжело и так, что пальчики оближешь.

Бабушка тем временем поставила на стол тарелку с тостами, пододвинула ближе к заварнику вместо сахара вазочку мёда и села напротив. Она смотрела на мужа и внука с той особой, тёплой внимательностью, которая не требует слов. Просто смотрела - и было видно, что ей хорошо. Что она рада. Что этот момент - утро, завтрак, муж и внук за одним столом - и есть то, ради чего стоит жить.

- Ну что, - сказал дед, усаживаясь на своё место, - план на день сегодня какой?

Сашка пожал плечами, прожёвывая омлет.

- Не знаю. Может потом к пляжу схожу. Там местные ребята собираются, хочу познакомиться.

- С кем?

- Да я их пока знаю только по именам, бабушка показы-

вала. Димка из посёлка. И есть ещё Витька с Москвы, через три дачи от нас. Подойду сегодня, познакомлюсь, может чего вместе придумаем.

Дед кивнул, но ничего не сказал. Он вообще редко отвечал сразу - сначала будто взвешивал. И когда говорил, это было не просто «ага» или «ну сходи», а что-то такое, что он считал важным, и что стоило принять к сведению.

- На Ладоге с утра ветер, - сказал дед наконец. - Волна. Купаться не лезьте. Так-то на мелководье вода в июле уже тёплая, но сейчас холодную с глубины к берегу нагонит, а вы, молодые да шустрые, чуть что - сразу в воду. Да и купаться тут не во всяком месте надо: где камни, где брёвна да коряги затопленные, есть и ямы. Димка, он парень хороший, местный должен знать, но и я по приезду показывал. Помнишь?

Сашка задумался. Честно говоря, он не очень помнил. Дед ему что-то говорил - кажется, в первый же день, когда они все вместе с бабушкой и родителями ходили гулять на берег. Но Сашка тогда устал с дороги, слушал вполуха, кивал, а запомнил плохо.

- Ну... там, где камни большие, справа от пирса?

Дед посмотрел на него долгим взглядом. Не сердитым - задумчивым.

- Значит, не запомнил, - сказал дед спокойно. - Ладно. После завтрака вместе сходим, покажу ещё раз. У молодых ведь как: «нам не глубоко», «нам по колено». А потом бабушка волнуется, пока ждёт.

- Да не буду я в воду лезть, - буркнул Сашка.

- Может, и не будешь, - согласился дед.

Бабушка улыбнулась, но промолчала. Она знала этот тон. Сашка тоже знал. Спорить не было смысла. Дед не запрещал, он разговаривал, объяснял почему это важно. И говорил так, что ты сам понимал: надо запомнить. Потому что это не прихоть. Это жизнь. Это безопасность. Это то, о чём ты сам должен думать.

После завтрака Сашка помог убрать со стола - бабушка мыла посуду, он вытирал, - а после вышел на веранду. Ничего зазорного в такой помощи Сашка не видел: и дома привык, что родители часто вместе управляются по хозяйству, и тут подмечал, как дед помогает бабушке, не дожидаясь, когда попросят. Дом общий, заботы общие: увидел, что можешь сделать - хоть вещь на место прибрать, хоть чашку помыть, - сделай, не жди.

Собравшись на пенсии перебраться из городской квартиры поближе к природе, дом дед с бабушкой купили старый, ещё советской постройки, но крепкий. Бревенчатые стены, широкие половицы - скрипучие, но надёжные. На веранде стояли оставшиеся от прежних владельцев дубовые кресла-качалки, обитые выцветшим плюшем, и небольшой столик, на котором лежала книга, тоже из оставшейся в доме небольшой, на пару стеллажей, библиотеки - что-то про историю Севера, с пожелтевшими страницами и закладкой из

длинного сухого листа тростника, что рос у ручья возле бани.

Сашка сел в кресло, качнулся пару раз, посмотрел на озеро. Оно было прямо перед домом, за редкими соснами, - огромное, как море, серо-синее, с барашками волн. Ветер гнал по небу рваные облака, но солнце пробивалось, и вода блестела, как чешуя. Пахло хвоей, дымом из бани - соседи, видать, с утра топили, - и чем-то ещё, неуловимым, что Сашка уже начал узнавать. Это был запах Севера. Запах мха, холодной воды, сосновой смолы и дыма. Запах, который ни с чем не спутаешь.

- Дед, а правда, что Ладога - это финское название? Нам экскурсовод в Сортавале рассказывала, что тут всё раньше исконно финские земли были.

Дед прокашлялся, помолчал и, усмехнувшись, ответил спокойно:

- Про исконные скажу так. Земли эти - северо-запад Русской равнины. А названия, топонимы по-учёному, дают те народы, что землю населяют. Здесь их перебывало много. Как ледник отступал, так племена из-за Волги, с Урала, из Западной Сибири и тянулись на север, за оттаявшей землёй. Чудь, весь, меря, мурома, позже карелы, вепсы, суоми - и славяне в том числе. Так что одними финнами тут точно не обошлось.

Сашка слушал, глядя на воду. Дед это заметил и усмехнулся.

- Не поплыл ещё? Чтобы проще было ориентироваться, ты

на названия смотри - они сами всё рассказывают. Финские они поздние, современные названия, их легко узнать по корню: «йоки» - река, «коски» - порог, «ярви» - озеро, «лахти» - залив, «суо» - болото, «ваара» - гора. Приглядишься - и карта с тобой сама заговорит. Так что экскурсовод про исконные финские земли - сильно упростила. Сама-то Финляндия всего сто с небольшим лет как стала независима, а до того земли эти ходили из рук в руки: от Новгорода к шведу, от шведа к Российской империи, и так по кругу.

Он помолчал, глядя, как ветер рвёт по озеру белые гребни.

- А само слово «Ладога»... Читал, дед кивнул на книжку, что идёт оно от «Алдога» - «старая река». «Га» - это слово древнее, водяное: поток, струя. Первыми путями были реки, вот потоки и звали дороГа. У нас от Калининграда до Владивостока десятка четыре рек да озёр на «-га»: Волга, Онега, Луга, Мга, Печенга... Хотя, - дед прищурился, - есть версия и вовсе не учёная, зато красивая: будто Ладога - это озеро Лады, богини весны, что брак и любовь бережёт. И знаешь, эта версия мне ближе к сердцу.

В посёлке было тихо. Дачники ещё спали, местные занимались своими делами. Где-то далеко, за озером, прокуковала кукушка. Сашка посчитал: раз, два, три... десять. Десять лет. Он слышал, что кукушка считает годы, но не очень-то верил. Хотя местные говорили, что правда.

Местные в посёлке в это верили всерьёз. Рассказывали, будто дядя Петя, здешний мужик, по молодости поспорил с парнями, когда ему кукушка накуковала всего два года, - мол, чушь это всё, бабьи сказки. А ровно через два года взял да и женился, и пришёл конец его холостой, вольной жизни. Вот и не верь после этого кукушке.

Сашка тогда засмеялся. А теперь вот считал. И почему-то ему хотелось, чтобы кукушка накуковала побольше. Не десять. Хотя бы двадцать. Или тридцать. Чтобы хватило.

Он достал телефон. Сети почти не было - одна палка, да и та прыгала, звонить ещё можно, а вот интернета точно не будет. Сашка вздохнул, убрал телефон в карман. Ладно. Не судьба. Может, потом поймает.

Из дома вышел дед. Он был уже одет - камуфляж, кепка, сапоги.

- Ну что, - сказал дед, протягивая ему куртку-ветровку, - идём?

- Куда? - не понял Сашка.

- На берег сходим. Покажу, где купаться можно а где опасно, и где рыбу ловить сподручнее.

Сашка вздохнул, но встал. Спорить не хотелось. Да и дед был прав - он и правда не очень помнил, где можно купаться. А озеро большое, не простое, со своим характером, и Сашка знал: в Ладоге каждый год кто-то тонет. Местные говорили об этом спокойно - без ужаса, но и без пренебрежения. Просто факт. Ладога - не игрушка.

Они пошли не к ближайшему пирсу, а по тропинке через лес, который начинался за домом. Узкая, но хорошо протоптанная - ходили здесь часто. Сосны стояли высокие, прямые, как свечи, и между ними было светло: солнце пробивалось сквозь ветки, ложилось на землю пятнами. Под ногами пружинил мох - мягкий, серо-зелёный, с вкраплениями брусники. Кое-где попадались черничники - мелкие кустики с тёмно-зелёными листьями, усыпанные ещё незрелыми ягодами.

- Черника ещё зелёная, - сказал дед, заметив, куда смотрит Сашка. - Недели через две пойдёт. Тогда и за ягодами сходим. И за грибами. Ты грибы собирать умеешь?

- Ну... белые там, подберёзовики с подосиновиками. С родителями собирали.

- А другие?

Сашка задумался и начал рассказывать деду, что помнил. Рыжики он знал - ярко-оранжевые, с рыжей шляпкой и зеленоватыми пластинками; вот только где их искать, не знал. Лисички тоже видел - жёлтые, с волнистыми краями. Сыроежки попадались много раз, но за серьёзный гриб он их не считал. Опята вроде были, но Сашка не был уверен, что отличит их от ложных.

- Ну ладно, - сказал дед. - Кое-что знаешь, с остальным вместе разберёмся.

Они прошли ещё немного в горку и вышли к озеру. Берег здесь был скалистый - серые гранитные плиты, отполированные ветром и водой, уходили в воду ступенями. Сосны росли

прямо на камнях, цепляясь корнями за трещины. Вода была прозрачная, холодная, и видно было дно - камни, поросшие мхом, и стайка мелких рыбёшек, что брызнула врассыпную, когда Сашка подошёл ближе.

Дед подошёл к краю скалы, откуда открывался вид на берег в обе стороны, и показал рукой:

- Видишь вон тот камень? Который торчит, как палец?

Сашка кивнул. Камень был большой, серый, с белой полосой посередине.

- От него идёт гряда. Под водой. Метра два от берега - мелко, по колено. А дальше обрыв: сразу метров пять. И вода ледяная, из ключа бьёт. С тёплой воды туда попадёшь - может судорогой мышцы свести. Запомнил?

- Запомнил.

- Хорошо. Теперь смотри дальше. Видишь заливчик, где берёза растёт? Кривая, над водой?

Сашка посмотрел. Берёза и правда росла криво, наклонившись над водой, будто хотела разглядеть своё отражение.

- От берёзы правее и до камня - можно купаться. Дно ровное, песок. А за берёзой не надо: там коряг да топляка волнами набило. Понял?

- Понял.

- Вот и славно. - Дед снова кивнул. - Это я сам за два года разузнал да у местных поспрашивал. Потом ещё места разведаем. Главное - без суеты, не спеша, и с уважением к месту и к стихии.

Сашка кивнул. И вдруг ярко представил, как он на сапборде пошёл плавать, а погода возьми и сменись: солнце скрылось, потемнело, резкий шквал погнал на скалы чёрные тяжёлые волны, и они с шумом взрываются брызгами, а его всё дальше относит от берега. Сашка передёрнул плечами. Нет. В Ладогу без подготовки он не полезет.

- Ладно, - сказал дед. - Пойдём ближе к дому. Удочки возьмём, с пирса покидаем. Только недолго - бабушка пироги к обеду обещала.

Они вернулись, взяли удочки - Сашка свою, маленькую, синюю, купленную ему родителями на море в отпуске в прошлом году, а дед свою, телескопическую, с фирменной катушкой, - и пошли на пирс. Пирс был старый, но крепкий: дед этой весной сам привёл его в порядок - поменял доски, подтянул и укрепил сваи.

Сашка сел на край пирса, свесил ноги, забросил удочку. Поплавок качнулся на воде, замер. Дед поставил ведро под рыбу и сам устроился рядом, но закидывать не стал - просто сидел, смотрел на озеро.

- Дед, - сказал Сашка через некоторое время, решившись осторожно затронуть вопрос, который с недавних пор начал его занимать - отношения с противоположным полом, - а ты в молодости... ну... с девчонками как? Какие тебе больше нравились - светленькие или темненькие?

Дед хмыкнул.

- Умненькие мне нравились, Сашка. Вечно в отличниц

влюблялся.

- И ты за ними бегал?

- Бегал. А как же. Девушке обязательно надо видеть, что к ней проявляют интерес. Будешь только втайне вздыхать - само по себе ничего не случится.

- И как? Получалось?

- По-разному. Сначала - нет. Потом - да. Потом - опять нет. Пока бабушку не встретил.

Сашка заинтересовался. Он редко слышал, чтобы дед говорил о бабушке. Обычно - о работе, о рыбалке, об обстановке в мире, много о чём. А о бабушке почти никогда. Как будто это было что-то личное. Что-то не для всех.

- А как вы познакомились?

Дед молчал. Смотрел на воду. Поплавок у Сашки дёрнулся, но Сашка не заметил - он смотрел на деда.

- Расскажу как-нибудь, - сказал дед наконец. - Не сейчас. Сейчас рыбу лови, а то уже поклёвку пропустил.

Сашка вздохнул, вернулся к удочке. Поплавок уже успокоился - рыба, видимо, ушла. Ну и ладно. Не в рыбе счастье. Кое-что новое он всё-таки разузнал: хочешь познакомиться с девушкой - не сиди сиднем, прояви себя, покажи интерес.

Они просидели на пирсе ещё час. Сашка поймал одного окуня - маленького, с ярко-красными плавниками, - и отпустил. Дед просто сидел, смотрел на озеро, на чаек, что кружили над водой, на облака, бежавшие куда-то на север. Ино-

гда что-то говорил: что ветер меняется, что к вечеру будет дождь, что рыба сейчас не берёт - давление. Сашка слушал вполуха, но запоминал: вдруг пригодится.

Дальше и вовсе сидели молча. И Сашка вдруг почувствовал, что ему хорошо. Просто сидеть. Просто смотреть на воду. Просто молчать. Без телефона, без музыки, без ничего. Просто быть. И знать, что ты не один в этом мире, что ты часть семьи - в несколько поколений, - и что в этой семье заботятся о тебе, а ты будешь заботиться о других, а как придёт время будешь сам учить младших. А ещё он понял, что учить можно по-разному: не давя, не запретами и угрозами, а исподволь, своим примером, или объяснив, но всегда оставляя тебе право на собственный выбор.

- Дед, - сказал он.

- М?

- А почему ты не запрещаешь мне телефон? Ну, совсем. Одноклассник рассказывал: у него мать, когда ругается, телефон отбирает и прячет.

Дед посмотрел на него. Потом сказал:

- Потому что запрещать или отбирать - глупо. Ты всё равно найдёшь этот или другой и будешь им пользоваться - только теперь тайком. И тогда я тебе ничего не смогу объяснить. А так я вижу, что ты делаешь, и могу подсказать: вот это нормально, а вот это ерунда; вот это пригодится, а вот это только время да деньги убивать. Телефон - инструмент, которым надо уметь пользоваться. И главное - не забывать, что вещь

создаётся для человека, а не человек для вещи. И ещё, взрослые они ведь и сильнее и опыта у него больше, и дети они зависимы от них. Поэтому взрослые всегда имеют выбор: запретить и заставить или объяснить, почему лучше сделать что-то, или почему этого делать не надо.

Сашка задумался. Это было... логично. Он привык, что взрослые либо запрещают, либо разрешают. А дед объяснял. И оставлял выбор. И это было... по-взрослому. Как будто дед видел в нём не ребёнка, а человека. Пусть маленького, пусть с небольшим жизненным опытом - но человека. Который может думать. Может решать. Может ошибаться, но может и исправлять свои ошибки. Сам. И еще подумал, что когда тебе указывают что делать, и наказывают если не делаешь, то это делает человека послушным, ведомым, зависимым от других, а вот если тебя подводят к тому, что надо самому делать выбор, то это приучает тебя к самостоятельности, и ответственности за свой выбор, за свою жизнь. И это понимание что-то переключило в его сознании.

- Дед а как правильно?

- Правильно? - задумался дед. - Полагаю никто не знает как правильно, потому расскажу как сам думаю. А думаю, что как и во всём остальном, нужна золотая середина, ведь когда ребёнок растёт он для себя мир постепенно открывает, узнаёт что опасно, что нет, тут горячо - тут холодно, это твёрдое – это мягкое, больно – приятно, кислое - сладкое и прочее. Но не всегда надо давать ему возможность испыты-

вать эти открытия на собственном опыте, потому как некоторые вещи и покалечить и убить могут, и тут без запретов не обойтись, но и не объясняя причин запрещать нельзя, так как детский ум живой, пустоты не терпит, так что если запретили и не объяснили, полезет проверять сам, сто процентов. Любить детей надо и уважать. Потому что тем кого любишь и уважаешь не врёшь. Балаболить попусту не надо. Ведь если ребёнок будет видеть что взрослый врёт, ему или другим, треплется попусту, он и слова его пусть хоть криком услышит, да к сведению не примет. Это я к тому, что кроме слов взрослому ещё и доверять должны. А доверие его зарабатывать надо, это не только с детьми, это вообще между людьми так устроено. В общем тема эта не простая, посидим ещё, когда время будет. А сейчас - идём, бабушка зовёт. Пироги стынут.

Сашка обернулся. Бабушка стояла на крыльце, махала рукой. Из открытой двери тянуло пирогами - с чем-то вкусным, наверное с мясом или с рыбой, но уж точно разжигающим аппетит на свежем воздухе. Сашка встал, сматывая удочку.

- Дед, погнали скорей.

- Погнали, - согласился дед, поднимаясь. - Куда я денусь.

Они пошли к дому. Сашка - впереди, дед - сзади. Сашка чувствовал: что-то изменилось. Не в мире - в нём самом. Будто он стал чуть-чуть старше. Чуть-чуть умнее. Чуть-чуть ближе к деду. И к бабушке. И к этому месту - к Ладоге, к

соснам, к обросшим мхом камням под ногами. К этому дому, который был не просто дачей, а чем-то большим. Чем-то настоящим, чему он пока не знал названия. Но что уже начинал чувствовать.

Обед прошёл шумно. Бабушка расспрашивала, где они были, что видели, поймали ли что-нибудь. Сашка рассказывал, дед кивал, но больше молчал и ел. Пироги были с рыбой - Сашка и правда угадал их по запаху, - а ещё с капустой и с яблоком. Бабушка напекла много: и за обедом поели, и ещё осталось. Знала, что Сашка нет-нет да и устраивает вылазки на кухню в поисках чего-нибудь вкусненького, и потому всегда держала на виду съестное - сушки, орехи или, как сейчас, накрытые салфеткой пирожки с яблочной начинкой.

После обеда погода начала портиться, зашуршала по крыше мелким дождиком, и Сашка решил не идти искать пацанов, а, дожёвывая пирожок, поднялся в свою комнату. Маленькая комната на втором этаже, с окном на озеро. Кровать, стол, шкаф. На стене полки - там книги из списка литературы на лето, которые он привёз, но ещё не открывал. И телефон. Сашка взял его, посмотрел на экран. Сеть была - на втором этаже телефон ловил лучше. Он вздохнул, положил телефон обратно. В игрушки играть не хотелось. В голове вертелись всякие мысли, но ни одну толком ухватить не получалось, и он взял с полки книжку, улёгся поудобнее на кровать, даже успел что-то прочитать - но после вкусных бабушкиных пирожков глаза незаметно слипались, и он сам не заметил, как

уснул.

Ему снилась Ладога - озеро, большое, как море. Большое, спокойное. Он плыл легко, без усилий. Вода была тёплая, как парное молоко. И кто-то рядом - он не видел кто, но чувствовал, что это друг. Кто-то, кому можно доверять. Кто-то, кто не бросит.

Когда он проснулся, за окном было серо. Дождь всё ещё шёл. Сашка лежал, слушал, как стучат капли - по крыше, по стеклу, по листьям, - и думал. О деде. О бабушке. О том, что ему здесь нравится. И о том, что лето в самом разгаре, а впереди ещё много дней. Много разговоров. Много историй. Много всего.

Он встал, подошёл к окну. Дождь шёл ровно, тихо, без грозы. Озеро было серое, цвета неба, и нельзя было понять, где кончается одно и начинается другое. Это было и странно, и восхитительно: казалось, что их дом и клочок земли вокруг - это остров-корабль, парящий в серой бесконечности небесного океана, а он, Сашка, - его капитан. Он просто стоял и смотрел. И чувствовал, что это чувство - важное. Из тех, из главных, определяющих путь.

Вечером сидели на веранде. Дождь кончился, воздух был влажный, свежий. Небо прояснилось. Пахло мокрой хвоей и землёй. Бабушка заварила чай - уже другой сбор, вечерний, с мятой и чабрецом. Сашка пил маленькими глотками, обжигаясь, и слушал, как дед с бабушкой обсуждают завтрашние

дела: надо съездить в соседний город, подкупить продуктов, заскочить в строймаг за метизами и мелочёвкой по электрике; потом заехать заказать вагонку - дед собрался обшивать баню. Говорили долго: что надо бы хоть на недельку вытащить сюда из города Сашкиных родителей, чтобы отдохнули от суеты; вспоминали истории из прошлого; много о чём ещё. О своём. Взрослом. Что он пока и не сильно понимал - но и не пропускал совсем, без интереса.

За окном было светло. Белая ночь. Птицы не спали. Где-то далеко кричала сова. Сашка давно допил свой чай и перебрался из-за стола в кресло, забравшись в него с ногами. Сидел под пледом, что принесла бабушка, слушал их с дедом разговоры и улыбался. Всё было хорошо. Скоро, наверное, приедут родители; а они с пацанами возьмут фирменный дедовский спиннинг, пойдут к старой берёзе и наловят много рыбы - он где-то читал, что самая крупная прячется в корягах да омутах; и что он наберётся смелости и познакомится с той девчонкой с соседней дачи - со светлыми волосами и умными глазами, и... И заснул.

А дед и бабушка ещё долго сидели вдвоём. Молча. Просто рядом. Как сидят люди, которые знают друг друга всю жизнь. Которые прошли через многое. И которым уже не нужно слов, чтобы понимать друг друга.

Глава 2

Дед разбудил его, когда было ещё темно.

То есть не темно по-настоящему - таких тёмных ночей тут в июле не бывало, - а серо, сумеречно, как бывает в комнате под утро, когда за окном пасмурно, а свет ещё не зажгли. Сашка открыл глаза и не сразу понял, где он и зачем над ним стоит дед, уже одетый, с кружкой чая в руке, и от этой кружки поднимается тонкий пар.

- Вставай, рыбак. Зорьку проспишь.

- Сколько времени? - Сашка сел, щурясь, не попадая спросонья в рукава толстовки, которую сунул ему дед.

- Полчетвёртого. Самый клёв. Давай по-быстрому, но без суеты. Я на кухне.

Сашка хотел было сказать, что полчетвёртого - это вообще не время, что в такую рань спят все нормальные люди и собаки, что дома, в Питере, он в этот час иногда только-только засыпал, досмотрев какое-нибудь видео, - но деда уже не было, он вышел, и спорить было не с кем. Сашка посидел минуту, слушая, как внизу тихо позвякивает посуда и шаркают дедовы шаги. И подумал, что мог бы сейчас лечь обратно, и дед бы его, наверное, не стал будить второй раз - он никогда не заставлял, не дёргал, не канючил. Но именно поэтому вставать было надо. Когда тебя не заставляют, отказаться почему-то стыднее, чем когда гонят.

Он натянул штаны, толстовку, нашарил ногами кроссовки и спустился вниз.

На кухне горела одна лампа - маленькая, над плитой, - и в её свете всё казалось уютным и ненастоящим, как во сне. Бабушка не вышла, спала. На столе ждали два бутерброда с сыром, вчерашние пирожки с яблоком завёрнутые в льняную салфетку, термос и кружка сладкого чая - для Сашки.

- Поешь немного, - сказал дед, не оборачиваясь; он что-то проверял в своём рыбацком ящике. - На воде в лодке нормально не поешь. А на пустой желудок на холоде - плохо. Замёрзнешь, скиснешь, и вся рыбалка не в радость.

Сашка жевал бутерброд - хлеб был домашний, бабушкин, с хрустящей коркой, с чуть солоноватым сливочным маслом, и островатым сыром - и смотрел, как дед собирается. Делал дед всё не торопясь, но и не медля: каждое движение будто знало своё место. Леску протянул между пальцами - проверил, нет ли захлёстов; крючки пересчитал, перебрал в плоской коробочке; грузила, поплавки, запасные мотки - всё было разложено по своим гнёздам, и видно было, что гнёзда эти не менялись годами, что дед может собраться в темноте, на ощупь, и ничего не забудет.

- А червей? - спросил Сашка.

- Червей с вечера накопал, в баночке с землёй стоят, в сенях. Их загодя готовят, не впопыхах. - Дед застегнул ящик. - Всё, что можно сделать с вечера, с вечера и делай. Тогда утром не мечешься, а спокойно идёшь. Суета, Саша, - она от

непродуманности. Продумал наперёд - и нет суеты.

На улице обдало холодом и запахом воды. Трава была мокрая, седая от росы, и мгновенно намочила верх кроссовок, но дальше не пошло, ногам было сухо. Над Ладогой стоял туман - не сплошной, а полосами, будто кто-то разложил по чёрной воде длинные ленты белой ваты и забыл убрать. На востоке, над дальним низким берегом, небо чуть розовело, но солнца ещё не было. И тихо было так, что Сашка слышал собственные шаги, и как где-то капает вода с крыши бани, и как далеко-далеко, может, на том берегу, лениво забрехала собака и смолкла.

- Чего молчишь? - спросил дед вполголоса, будто боясь спугнуть эту тишину.

- Спать хочется, - честно сказал Сашка.

- Это пройдёт. Через полчаса будешь как новенький, свежей всех. Вот увидишь. Утро, оно за ранний подъём награждает - да так, как день уже не наградит.

- В смысле?

- В том смысле, что есть особая радость в том, чтобы увидеть восход Солнца, начало нового дня, как и тихую красоту заката, когда оно погружается в воду за горизонтом.

Лодка лежала на берегу, вытащенная носом на песок, - деревянная, не новая но ухоженная, проконопаченная, подкрашенная, с аккуратными, подогнанными под руку вёслами. Дед столкнул её на воду одним привычным движением, придержал, пока Сашка, балансируя, перебирался на корму,

и только потом сел сам, на среднюю банку, к вёслам. Весла он опускал в воду мягко, почти без всплеска, и лодка пошла ровно, ходко, словно сама, и только маленькие воронки закручивались за лопастями и таяли позади.

- А мотор? - спросил Сашка. У деда был и мотор, Сашка видел его в сарае - зелёный, тяжёлый.

- С утра мотором рыбу не пугают, - сказал дед. - Да и некуда спешить. Грести - тоже дело. Руки работают, голова отдыхает, а к месту подходишь тихо, по уважительному. Рыба тишину любит. И человеку тишина на пользу - в городе её, поди, и не слыхал ни разу, тишины-то настоящей.

Сашка прислушался. И правда - такой тишины он не слыхал. В городе всегда что-то гудело: машины, холодильник, соседи, сам воздух будто гудел. А тут - ничего. Только мягкий плеск вёсел да редкий вскрик какой-то ранней птицы.

Посёлок остался позади - несколько тёмных крыш среди сосен, и всё. Вокруг была только вода, туман и розовеющее небо, и чёрные силуэты дальних островов. Дед правил к одному из них - точнее, к каменной гряде, что торчала из воды тремя горбатыми спинами, как спины уснувших зверей.

Там он опустил якорь - тяжёлый камень на верёвке, обмотанной вокруг старого поплавка, - тихо, по верёвке, не бросая, чтоб не плюхнуло. И они стали ловить.

Дед всё показал заново, терпеливо, как в первый раз: как насадить червя, чтоб держался и шевелился, приманивал; как опустить снасть, чтоб не зацепить за камни; как держать

удилище - не жестко, чтобы рука не уставала, как следить и чувствовать поплавок, как продолжение самой лески. Сашка слушал внимательно - на воде, в тумане, под розовеющим небом слушалось почему-то легко, само. И закинул.

Поплавок качнулся на воде и замер.

Сашка ждал.

Поплавок не двигался.

Он ждал ещё.

А тем временем над миром совершалось чудо, которого Сашка прежде не видел, потому что в его жизни настоящего рассвета никогда ещё и не было, в его жизни было «поспать подольше». Солнце вышло из-за дальнего берега - сначала краешком, раскалённой каплей, потом больше, больше, и наконец встало целиком, и свет его лёг на воду длинной золотой дорожкой, прямо к их лодке. Туман дрогнул, поредел, пополз вверх, тая на глазах. Вода из серой, свинцовой сделалась сперва розовой, потом золотой, потом синей, живой. Над грядой с криком прошла пара чаек, и крик их был резкий, свободный. Где-то в стороне плеснула крупная рыба - гулко, тяжело, - и круги пошли по воде, и Сашка вздрогнул и завертел головой.

- Не у нас, - тихо сказал дед, не шевелясь. - Далеко. Ты за своим поплавком гляди.

Сашка глядел. Прошло, наверное, полчаса. Или час - он не знал, время тут шло иначе. Он уже и правда проснулся, как дед обещал, и даже озяб и согрелся снова, когда солнце

пригрело спину. Но вместе с тем ему стало скучно. Поплавок не шевелился. Совсем. Руки затекли, спину ломило от сидения на жёсткой банке, и очень хотелось пошевелиться, встать, размяться, сделать хоть что-нибудь - а нельзя, лодка качнётся, рыбу распугаешь.

- Дед, - сказал он наконец, не выдержав. - А чего не клюёт-то?

- Не берёт, - спокойно отозвался дед. Он сидел неподвижно, как часть лодки, и его поплавок тоже стоял. - Бывает.

- А может, тут рыбы нет?

- Есть. Место знаю, рыбное, проверенное. Есть рыба, никуда она не делась. Просто сейчас не берёт. Погоди.

Сашка погодил. Ещё минут десять, которые показались часом. Поплавок стоял, как приклеенный, как нарисованный. Терпение у Сашки кончалось - он чувствовал это прямо физически, как зуд под кожей, как желание вскочить.

- Может, место поменяем? Вон там, может, лучше.

Дед усмехнулся - Сашка не видел, но услышал по голосу.

- Знаешь, - сказал дед, по-прежнему не оборачиваясь, глядя на свой поплавок, - был у меня один знакомый. Серёга. Молодой, горячий, рукастый даже - да толку с тех рук. На юге дело было. Поехали мы с ним как-то вот так же, с утреца пораньше, вдвоём, на двух лодках. Встали под камышами. Не берёт. Он пять минут посидел - и давай другое место искать. Перешёл. Там десять минут - не берёт. Опять снимает-

ся, опять гребёт. И так всё утро: туда-сюда, туда-сюда. Якорь бросит, якорь вынет, вёслами машет, по всему озеру носится, от берега к берегу. Взмок весь, умаялся, обозлился.

- И что?

- А ничего. Пустой домой приехал. Ни хвоста ни чешуи, только в прямом а не в переносном смысле. А я на одном месте просидел, с него не сходя, и привёз полное ведро. Знаешь почему?

Сашка подумал.

- Повезло?

- Не повезло, Саша. Тут везенье ни при чём. Пока он носился да воду мутил, вёслами плескал, лодкой стучал - он всю рыбу вокруг себя и распугал. Рыба осторожная, она шума пуще огня боится. А я сидел тихо. Тихо сидел - рыба и привыкла, успокоилась, подошла. Понимаешь, в чём штука? Не ты рыбу ищешь - ты её дожидаешься. Это две разные вещи, Саша, хоть и похожие с виду. Искать - это метаться. А дожидаться - это уметь сидеть тихо и верить, что придёт.

Он помолчал, поправил леску пальцем.

- И ведь не в рыбе даже дело. А в том, что Серёга этот везде такой был, по всей жизни. Ему всё хотелось сразу и помногу, и чтоб само в руки шло. Работу бросал - скучно, мол, долго, не идут деньги. За одно хватался, бросал, за другое. Женился - через год развёлся: не дождался, пока тяжёлое время пройдёт, а оно во всякой молодой семье бывает, перетерпеть надо. Так и прожил - бегал за удачей, а она от него,

как рыба от шумного. Потому что хорошее, Саша, оно не сразу даётся. За хорошее надо время своё отдать. Подождать. Потерпеть. Цену заплатить терпением. А кто цену платить не хочет - тот и остаётся с пустым ведром. И на рыбалке, и в жизни.

Сашка смотрел на свой неподвижный поплавок и думал об этом. В дедовых словах было что-то такое, с чем не поспоришь, хотя и обидно было - хотелось-то, чтоб клевало прямо сейчас.

- А если так и не клюнет? - спросил он. - Вот просидим всё утро и ничего?

- Тогда поедем домой с пустым ведром и хорошим утром, - сказал дед. - И это, Саша, тоже совсем неплохо. Рыбалка не только про рыбу, запомни. Это и про характер ещё. Это городские думают: раз поехал ловить - вынь да положь улов, иначе зря время потратил. А рыбалка - это вот оно всё. - Дед повёл рукой, обводя озеро, небо, туман, солнце. - Посмотри вокруг. Разве зря?

Сашка посмотрел. Туман почти разошёлся. Солнце стояло уже над берегом, и Ладога лежала вокруг - огромная, спокойная, вся в мелкой золотой ряби, до самого края, где вода сходилась с небом и было не понять, где одно, где другое. Сосны на островах чернели чётко, как вырезанные ножницами из чёрной бумаги. Вода у борта была такой прозрачной, что видно было дно - серые камни, тень лодки на камнях, колышущиеся водоросли. И в этой тени, Сашка вдруг заметил,

стояли, чуть шевеля плавниками, несколько тёмных рыбин.

- Дед, - шёпотом сказал он, боясь спугнуть. - Дед, вон они. Под лодкой. Стоят.

- Вижу, - так же тихо ответил дед. - Окунь. Подошёл. Стоит, думает, приглядывается. Вот оно, терпение-то, и окупается. Не спеши теперь. Опусти ему тихонечко под нос. Вон тому, крайнему, покрупнее. Тихо-тихо.

Сашка, стараясь не дышать, медленно подтянул леску и так же медленно опустил крючок с червём прямо туда, в прозрачную тень, к тёмным спинам. Червяк закачался, маня. Одна из рыбин двинулась - лениво, будто нехотя, вразвалочку, - подошла, ткнулась носом. Поплавок дрогнул.

- Не дёргай, - выдохнул дед одними губами. - Жди. Пусть возьмёт как следует, в рот заберёт. Жди...

Поплавок дрогнул ещё раз, качнулся - и вдруг резко, косо ушёл под воду.

- Теперь!

Сашка подсёк - и почувствовал на конце лески живую, упругую, бьющуюся тяжесть. Сердце у него заколотилось где-то в горле. Он потянул, боясь, что сорвётся, и рыба заходила из стороны в сторону, гнула удилище в дугу, и наконец выскочила из воды - окунь, большой, тёмно-зелёный, в чёрных поперечных полосах, с ярко-красными плавниками и злым колючим гребнем на спине, - и, сверкнув на солнце, шлёпнулся на дно лодки и забился, застучал хвостом по доскам.

- Во! - сказал дед, и в голосе его было настоящее, неподдельное довольство. - Видал, какой? А ты говорил - поменяем место. Поменяли бы - и не было бы его, стоял бы ты сейчас на другом месте с пустым крючком. Снимай аккуратно, об колючки не уколись, они у него злые.

Сашка снимал окуня дрожащими от восторга руками. Рыба была тяжёлая, скользкая, холодная, живая - настоящая, им самим, вот этими руками, пойманная, выжданная. И он вдруг понял всем нутром то, о чём дед толковал словами: этот один окунь ему дороже, чем если бы ему принесли полное ведро готовой, чужой рыбы. Потому что он его ждал. Час ждал. Чуть не бросил, чуть не сорвался, чуть не ушёл на другое место. А дождался.

- Дед, - сказал он, опуская окуня в ведро с водой и глядя, как тот заходил кругами, успокаиваясь. - А если бы мы правда ушли, я бы его не поймал?

- Не поймал бы. И, главное, не узнал бы, что мог поймать. Думал бы всю жизнь, что тут рыбы нет. - Дед уже снова закинул свою удочку. - Вот оно, Саша, как бывает. Половина людей весь век так и мечется с места на место, уверенные, что рыбы нигде нет, что им не везёт, что места плохие. А рыба есть. Просто сидеть тихо не умеют да ждать не научились.

А после этого будто прорвало. Клёв пошёл один за другим - не сказать чтоб крупный, но бойкий, жадный, - и Сашка едва успевал насаживать, опускать, подсекать, снимать. Дед

ловил рядом, спокойно, без суеты, вытаскивая через раз рыбину покрупнее, и приговаривал что-то ласковое не то рыбе, не то Сашке. Солнце грело спину. Ведро наполнялось, и в нём плескалась, ходила кругами живая серебристо-зелёная масса. Были там и окуни, и плотва, и лещ один. И Сашка уже не чувствовал ни холода, ни затёкших ног - ему было азартно и спокойно одновременно, и это было какое-то совсем новое, взрослое, крепкое ощущение, которого он прежде не знал.

Клёв потихоньку стихал, будто кто-то наверху повернул кран, - солнце стояло уже высоко, и на воде там и сям появились первые дачники: кто на берегу с удочкой, кто как они на вёслах. Дед вытащил якорь, смотал свою снасть.

- Всё. Шабаш... то бишь хватит, - поправился он, глянув на Сашку и усмехнувшись. - Своё взяли, лишнего не надо.

- А давай ещё, - попросил Сашка, вошедший во вкус. - Вон ещё клюёт. Ведро ещё влезет, если утрамбовать.

- Влезет, - согласился дед. - Да только куда нам столько? Мы что, ведро рыбы за раз съедим? Пока переберём да почистим. Тут и на пожарить, и на уху хватит. А как захотим то снова и наловим. А рыба не для того живёт, чтоб мы её зря переводили. Бери, Саша, сколько нужно, а не сколько влезет. Это, брат, разные вещи, и всю жизнь их путают. Кто с мерой берёт - тому всегда хватает. А кто без меры хапает - у того и много, да всё не впрок, всё гниёт да пропадает. Мера - она во всём мера.

Они гребли обратно. Теперь Сашка сам попросился на

вёсла, и дед пустил, и показал, как держать, как заносить, как не частить. Выходило пока неловко, лодку водило, но дед не смеялся, а поправлял. Сашка грёб, пыхтел, и ему было хорошо: ведро с его окунем стояло в ногах, и солнце светило, и впереди был целый день.

Когда подплывали их окликнули с берега. По серым камням, размахивая руками, бежал мальчишка - загорелый дочерна, вихрастый, в резиновых сапогах, в выгоревшей футболке.

- Иван Фёдорыч! - кричал он звонко. - С уловом?

- С уловом, Дима, с уловом! - отозвался дед, и в голосе его была приязнь. - Иди сюда, покажем.

Лодка ткнулась носом в берег. Мальчишка - тот самый Димка, местный, про которого Сашке рассказывала бабушка, но в глаза ещё не видел, - присел на корточки у самой воды, заглянул в ведро и уважительно присвистнул.

- Ого. Это где ж вы столько надёргали?

- На гряде, у Чёртова пальца, - сказал дед. - Знаешь место?

- Знаю, а как же. Там берёт. Я-то больше с мостков, с берега, - батя одного на лодке не пускает. - Димка перевёл любопытный взгляд на Сашку, разглядывая его прямо, без стеснения, как рассматривают нового человека. - А ты, стало быть, Фёдорыча внук? С Питера который, на каникулы приехал? Слыхал про тебя. Меня Димкой звать.

- Сашка, - сказал Сашка и, помедлив, протянул руку, как делал дед.

- Сашка так Сашка. - Димка пожал - рука у него была крепкая, сухая, вся в цыпках и мелких царапинах, рука человека, который целыми днями в лесу да на воде. - Ты это, если на озеро соберёшься - приходи к мосткам, мы там с пацанами тусуемся. Я на берегу места покажу, где чего клюёт. И куда не суйся - тоже покажу. Тут знать надо.

Сашка глянул на деда. Дед пожал плечами - мол, твоё дело, решай сам.

- Приду, - сказал Сашка.

- Ну, бывай тогда. - Димка поднялся, вытер руку о штаны. - Бабе Нине привет, Иван Фёдорыч. Мамка велела спросить, не надо ли молока, у нас корова доит - девать некуда.

- Надо, Дима, надо. Занеси вечерком, скажи матери - спасибо.

И Димка умчался - так же, вприпрыжку, по камням, ловко, как козлёнок, ни разу не оступившись там, где Сашка ступал бы с опаской.

- Хороший парень, - сказал дед, глядя ему вслед, и взялся снова за вёсла. - Простой. С такими не пропадёшь. Простота, Саша, - это ведь не глупость, как некоторые думают. Простота - это когда человек такой, какой есть, без вывертов, без второго дна. Что на уме, то и на языке; что пообещал, то и сделает. Таких нынче мало. Держись таких.

Дома бабушка уже ждала на крыльце - будто чуяла. Увидев ведро, всплеснула руками, похвалила обоих, а Сашку особо, и тут же, подоткнув фартук, села на чурбачок чистить рыбу -

ловко, быстро, привычно, и чешуя летела у неё из-под ножа, как серебряные искры, и прилипала к рукам, к фартуку, к доске. Сашка хотел помочь, но бабушка сказала: смотри пока, научишься ещё, успеешь на своём веку рыбы начиститься. А дед сел на крыльцо, набил трубку - он курил редко, только после хорошего дела, - и щурился на солнце, и был доволен, и молчал.

К обеду была уха. Настоящая, из своей рыбы, с дымком - бабушка в конце достала из печи и опустила в котелок горящую полешку, для запаха. Сашка ел уху, обжигаясь, и думал, что никогда в жизни не ел ничего вкуснее. Хотя уха как уха, казалось бы. Но в ней был его окунь. Тот самый, первый, которого он чуть не упустил, которого выждал и сам поймал.

- Ну как, рыбак? - спросила бабушка, подкладывая ему ещё. - Стоило в такую рань подниматься?

Сашка подумал. Ему страсть как хотелось выглядеть повзрослее, поэтому он как и дед, сделал небольшую паузу прежде чем ответить.

- Стоило, - сказал он. – Я поначалу чуть не бросил, решил что и нет там рыбы вовсе, место плохое. Так вот если бы бросил - ничего бы не было. И я б так и думал, что там нет рыбы. А потом я окуня поймал, вот такого, - Сашка развёл руки пошире, но потом вспомнив, что бабушка рыбу чистила и окун

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.